

Юлия ЗАХАРОВА

*Смысл
жизни*

Мама лучше знает?

Юлия Захарова

Смысл жизни

«Литнет»

2025

Захарова Ю.

Смысл жизни / Ю. Захарова — «Литнет», 2025

Мама лучше знает? Он — успешный преподаватель. Она — его студентка. Их любовь должна была быть счастливой. Но... есть его мама. Та, что «всего лишь хочет как лучше». Ее «забота» — это контроль. Ее «любовь» — это шантаж. Ее «беспокойство» — это спектакль, где все должны играть по ее правилам. Чем закончится эта война за взрослого сына? Победой матери, сохранившей свою маленькую империю? Или победой любви, купленной ценой разрыва с семьей? «Смысл жизни» — жесткий, психологически точный роман о том, что иногда самое сложное — не найти любовь, а отстоять ее. Даже перед самым близким человеком.

© Захарова Ю., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

ГЛАВА 1	5
ЗНАКОМЬТЕСЬ С ГЕРОЯМИ	8
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	13
ВИЗУАЛЫ ГЕРОЕВ	15
ГЛАВА 4	16
ГЛАВА 5	19
ГЛАВА 6	22
ЕЩЕ НЕМНОГО ВИЗУАЛОВ	25
ГЛАВА 8	26
ГЛАВА 7	29
ГЛАВА 9	33
ГЛАВА 10	36
ГЛАВА 11	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

ГЛАВА 1

Вечером в пятницу в супермаркете было не пропихнуться. Огромный магазин гудел, как разворошенный улей. Запахи свежей выпечки смешивались с запахами бытовой химии, а многочисленные звуки – писк сканера, скрип колесиков тележек по полу и голоса покупателей – соединились в общую нестройную какофонию. Люди спешили наполнить свои корзины продуктами и поскорее добраться до дома, чтобы насладиться, наконец, двумя заслуженными после трудовой недели выходными.

– Интересно, а я понравлюсь твоим родителям? – Юля стояла у полки с тортами и водила пальцем по цветастым этикеткам на прозрачных пластиковых коробках.

– А почему ты должна им не понравится? – удивился Эдуард, стоящий чуть позади девушки в терпеливом ожидании, пока она определится с выбором.

– Твоей маме нравится безе? Я так люблю «Графские развалины»! – Юля вытащила упаковку со стеллажа и изучала состав.

– Кажется, она любит «Наполеон», – почесал макушку ее спутник. – Но я не уверен...

– Ну, «Наполеон», так «Наполеон», – девушка обернулась и застенчиво улыбнулась ему. – Вот этот наисвежайший. Берем?

– Берем! – кивнул Эдуард и посмотрел на наручные часы. – Надо поторопиться. Мама терпеть не может, когда опаздывают.

– В этом ты весь в нее, Эдик! – хохотнула Юля, опустив торт в корзину. – На кассу?

Эдуард взялся за ручку, развернул тележку и воткнулся в длинную очередь. Юля пристроилась рядом, взяв его под руку.

– Так почему ты думаешь, что не понравишься моим родителям? – очередь двигалась бесконечно медленно.

– Да не думаю я так... Просто волнуюсь, – Юля уткнулась носом в рукав пиджака Эдика чуть выше локтя. – Ты вон весь такой важный... Доктор наук... В университете преподаешь...

– Вообще, я еще не защитил докторскую. Только собираюсь, – поправил ее молодой человек.

– Да не суть, – отмахнулась девушка. – Боюсь, они решат, что я тебе не ровня...

– Не говори глупостей! – Эдуард ласково клюнул ее в макушку. – Я же тебя полюбил, значит и они полюбят.

– Все равно мне жутко страшно! – Юля поежилась, представив, что уже скоро родители возлюбленного будут изучать ее, будто под микроскопом.

– Поверь, тебе не стоит беспокоиться! – постарался успокоить девушку Эдуард. – У меня мировые мама и папа. Они тебе понравятся. Я уверен!

– Ладно... Я постараюсь прямо сейчас взять себя в руки и перестать нервничать, – Юля развела руки в стороны, сделала глубокий вдох и громко выдохнула.

– Юля, люди же вокруг, – одернул ее Эдик.

– Ты иногда бываешь таким занудой, – девушка ущипнула его через пиджак. – О! Смотри! Вон там сейчас касса откроется. Бежим!

Девушка, распахивая уже успевших состариться в бесконечной очереди покупателей, рванула вперед.

– Простите, – какой-то мужчина охнул, когда она отдавила ему ногу.

Эдик едва поспевал за Юлей, катя перед собой тележку и раздавая извинения направо и налево.

– У вас только торт? – спросила удивленно полная женщина на кассе, когда молодые люди опустошили свою тележку.

– Еще пакет, – Юля сорвала один из-под кассы.

Пикнул сканер, затем терминал оповестил об оплате, и душный супермаркет, наконец, выпустил молодых людей из своих лап.

Машина Эдуарда влилась в стройный поток городской пробки. То тут, то там раздраженно гудели клаксоны, из открытых окон раздавались нервные окрики водителей. Все спешили по домам, сгорая от нетерпения в душном мареве майского зноя. Заходящее солнце, слепящее в лобовое стекло, растянуло длинные лиловые тени от домов, окрасив город в тревожные, предвечерние тона. Весна в этом году выдалась ранняя и жаркая.

Юля максимально отодвинула пассажирское кресло, закинула свои стройные ноги на панель, предварительно избавившись от босоножек, и окунулась в социальные сети на своем телефоне. Эдик недовольно покосился на девушку. Он терпеть не мог, когда она так делала. На начищенном пластике потом оставались разводы. Но увидев, как аппетитно при этом задрался подол платья, оголив бедро, плотоядно усмехнулся.

– Знаю, знаю... – проворчала Юля, поймав его взгляд. – Даже не начинай! Я отработала полную смену в кафешке. Ноги гудят просто от усталости!

– Я ничего не сказал, – попытался оправдаться Эдуард.

– Я услышала твои мысли, а твой взгляд едва не прожег во мне дыру! – парировала девушка.

– Ну... Возможно ты его неправильно истолковала на этот раз, – он протянул руку и погладил возлюбленную по обнаженной коленке. Кожа под его пальцами была прохладной и бархатистой.

– У кого-то игривое настроение? – Юля убрала телефон, сняла ноги с панели и подтянула их к груди. – Даже не верится, что мне удалось заполучить самого желанного холостяка во всем универе!

Она ласково прильнула к плечу Эдика.

– Прямо так и самого... – смутился молодой человек.

– Ты что?! – замахала руками Юля. – Да все девчонки только твою сексуальную задницу и обсуждают на переменах. Я сама слышала недавно в туалете. Одна такая говорит: «Эдуард Павлович такой красавчик! Дух захватывает, как он смотрит!».

Юля ущипнула Эдика через джинсы.

– Ай! – он едва не потерял управление. – Я за рулем вообще-то!

– А нечего студенткам глазки строить! – надула губки Юля. – Мне прямо хотелось в тот момент выскочить из кабинки и космы этой девахе выдрать!

– Юль, ну что за дикость? – нахмурился Эдуард. – Никому я ничего не строю. Не хватало еще, чтобы ты из-за меня драку в университете затеяла!

– Это ж я только так подумала, – успокоила его Юля. – Я прекрасно знаю, что о наших отношениях не должна знать ни одна живая душа в стенах ВУЗа.

– Потому что... – Эдик подтолкнул возлюбленную продолжить мысль.

– Потому что ты преподаватель, я студентка, и мы не можем встречаться, иначе тебя могут уволить. Бред какой-то! – фыркнула девушка.

– Это не бред, а профессиональная этика, – поправил ее Эдик. Он провел рукой по рулю, смахивая невидимую пылинку.

– Мы же не в школе! Мне двадцать три! Я взрослый человек. Могу спать, с кем хочу!

– Ты да, а я нет, – машина свернула, наконец, во двор многоэтажного дома. Старый двор, уютный и тесный, с разбитыми по периметру клумбами, где яркими пятнами полыхали первые тюльпаны. – Потерпи еще немного. Через месяц защитишь диплом, и можно будет больше не прятаться.

– Скорее бы уже! Мне прям не терпится рассказать девчонкам из группы, что мы вместе. А то бесит, что они на тебя слюни пускают, а я не могу с этим ничего поделать.

Эдуард закатил глаза и усмехнулся. Он аккуратно запарковал автомобиль на собственном парковочном месте во дворе и заглушил мотор. Тишина в салоне наступила внезапная, звенящая, нарушаемая лишь отдаленным лаем собаки.

– Бррр... – поежилась Юля. – Что-то мне страшно...

– Ну что такое? – обнял ее Эдик. – У меня абсолютно адекватные родители. Все будет хорошо.

– Я даже не представляю, как мне себя вести, что можно говорить, что нельзя...

– Единственное табу в нашем доме, это моя сестра. О ней лучше не спрашивать, а то мама начнет нервничать. На остальные темы можешь спокойно общаться.

– Ох, легко сказать... – прикусила нижнюю губу Юля. Она поправила складки на своем летнем платье, нервный жест, выдававший всю глубину ее переживаний.

– Просто будь собой и все! – он чмокнул девушку в макушку. – Идем?

– Идем, – тяжело вздохнула девушка и открыла дверь.

Эдик достал с заднего сиденья торт, поставил машину за сигнализацию и обнял любимую за талию. Его взгляд скользнул по окнам квартиры на третьем этаже, где он жил вместе с родителями, и заметил, что штора на кухне дрогнула. Тут же от нее метнулся темный силуэт. Мама, видимо, поняла, что ее заметили, поэтому ретировалась. Эдик чувствовал, что она волновалась сейчас не меньше Юли, ведь сегодня ее сын впервые за свои двадцать девять лет привел в дом девушку.

ЗНАКОМЬТЕСЬ С ГЕРОЯМИ

Эдуард (29 лет). Молодой преподаватель в университете, будущий доктор наук. Педантичный, правильный, умный и симпатичный. Живет с родителями в их большой квартире. Любящий сын, хороший парень. Мамина надежда и опора.

Юля (23 года), студентка, любимая девушка Эдуарда. Будущий адвокат. Молодая, симпатичная, активная, жизнерадостая, эмоциональная, непосредственная. Готовится к защите диплома, подрабатывает официанткой в кафе. Живет с подругой-одногруппницей на съемной квартире.

ГЛАВА 2

Вера не просто волновалась, она не находила себе места. Ее удивляло, как Павел мог оставаться спокойным в такой ответственный момент. Его совсем не волновала судьба сына или что?

– Павлик! – рывкнула она, заставив мужа вздрогнуть от неожиданности. – Что ты сидишь? Приехали!

Мужчина подскочил, сорвался с места и заметался по комнате. Жена по случаю знакомства с девушкой сына обрядила его в жутко неудобный костюм, который, кажется, стал ему маловат. Еще и галстук заставила завязать. К чему такой официоз? Он не понимал, из-за чего весь сыр-бор.

– Ну вот что ты мешаешься? – супруги едва не столкнулись лбами, услышав звонок домофона.

– Я не пойму, что мне делать? – обиделся Павел. – То не сиди, как истукан... То не путайся под ногами...

– Истуканом я никогда тебя не называла! Не привирай! – упрекнула Вера. – Не понимаю, почему Эдуард дверь своим ключом не открыл?

Женщина встала перед зеркалом в прихожей, разгладила невидимые складки на платье и поправила прическу.

– Чтобы предупредить тебя о приходе, что непонятного? – буркнул муж и ослабил узел галстука.

– Ну что вот ты делаешь? – Вера подскочила к нему и вернула все обратно, но, видимо, перестаралась, потому что Павел нечленораздельно крикнул и покраснел.

– Пусти! – отмахнулся он от нее, снова ослабляя удавку на шее. – Всполошилась на пустом месте. Зачем вот это все?

– Может тебя твой сын каждый день с девушками знакомит, а для меня это впервые. Я хочу, чтобы все прошло идеально! – Вера воинственно сложила руки на груди.

– Ой, делай что хочешь, – отмахнулся от жены Павел.

Он знал, что спорить с ней бесполезно. Ему, по крайней мере, выиграть еще ни разу не удавалось.

В общем с соседями тамбуре слышался шум – приглушенный голос Эдуарда и смешки девушки. Вера выдохнула, выпрямила спину, натянула на лицо самую радушную улыбку и пододвинула Павла за локоть поближе к себе.

– Не сутулься, – цыкнула она на мужа, и тот тут же вытянулся по струнке.

Входная дверь открылась. Эдик вошел первым. Высокий, красивый, статный. За его спиной маячила худенькая фигурка его подруги. Девушка явно была моложе сына. Так, по крайней мере, Вере показалось на первый взгляд.

– Привет, мамуль, – сын клюнул мать в щеку. – Пап...

С отцом они ограничились лишь кивком головы.

– Добрый вечер, дорогие мои, – Вера приняла из рук сына торт, приподняла коробку и прочла название. – «Наполеон», какая прелесть! Ох, зря я полдня над «Медовиком» корпела.

Она хохотнула, махнула рукой и понесла угощение в кухню.

– Ты же сказал, что мама «Наполеон» любит, – шепнула Юля на ухо Эдуарду.

– «Медовик» тоже, – буркнул он едва слышно. – Мам! Ну куда ушла-то? Я же вас с Юлей еще не познакомил.

Вера оставила торт на столе и вернулась в прихожую.

– Растерялась совсем, – смущенно улыбнулась она. – Знакомь, сынок.

Эдуард выдвинул девушку из-за своей спины, и Вера, наконец, смогла ее рассмотреть. К сожалению, ничего примечательного она в ней не нашла. Тощая, угловатая пигалица. Волосы какого-то серого мышиного цвета, курносый вздернутый нос. Единственное, за что еще можно было зацепиться, это глаза. Большие, может даже слишком для ее лица, выразительные, ярко-изумрудные.

– Это Юля, – расплылся в улыбке Эдик. – Моя любимая девушка.

От слова «любимая» Веру передернуло. Сразу неприятно засосало под ложечкой, и где-то глубоко внутри начал формироваться панический ком.

– Здравсти, – пискнула девица едва слышно.

– Мой папа – Павел Сергеевич, – представил отца Эдуард.

Павел улыбнулся и бросился лобызать девицу в обе щеки.

– Очень приятно познакомиться, – расплылась в улыбке Юля, немного смущаясь.

– А это моя мама – Вера Эдуардовна, – Эдик обнял мать за плечи.

– Добро пожаловать в наш дом, Юлечка, – Вера сжала ладони девушки и легонько потрясла.

После знакомства все вдруг замолчали и в прихожей повисла неловкая пауза. Никто не знал, что говорить и делать дальше. Положение, как ни странно, спас Павел.

– Давайте за стол, молодежь! Ужин стынет! – обнял он гостью за плечи.

– Ванная у нас прямо по коридору, – направила Вера девушку.

– Да я бы сам показал, мам... – усмехнулся Эдик.

– Так, мойте руки и за стол! – скомандовала хозяйка, проигнорировав замечание сына.

– Я в зале накрыла.

Вера с угощениями расстаралась. Стол ломился от яств. Вчера весь день она возилась с холодцом, с утра строгала салаты – оливье, селедку под шубой, крабовый с кукурузой. Таня, близкая подруга, подсказала рецепт нового слоеного – с жареными грибами и курицей. Его тоже сделала. На горячее в духовке румянилась утка с яблоками. И, конечно же, как садиться за стол без картофельного пюре?

Женщина придирчиво осмотрела сервировку, поправила покосившиеся, по ее мнению, столовые приборы и вцепилась пальцами в спинку стула.

– М-м-м... Как же вкусно пахнет! – Эдуард подошел сзади, обнял ее за талию и поцеловал в макушку. – Спасибо, мамуль. Обожаю твои праздничные блюда.

– Знаю... – Вера развернулась и погладила сына по щеке.

– Мать, мы есть-то будем? – у Павла от запахов заурчало в животе. – Весь день меня на сухом пайке держит, представляешь?

– Давайте садиться! – Эдик выдвинул перед Юлей стул, а затем услужливо задвинул, когда она села.

Сам он расположился рядом с девушкой, хотя Вера знала, что обычно Эдик любил сидеть на диване. Она помялась немного. Муж занял свое место, даже не удосужившись оказать ей знака внимания, поэтому она обиженно поджала губы и села напротив.

За столом царил гнетущая тишина, нарушаемая лишь звоном приборов о тарелки. Эдик пару раз попытался завести разговор, но брошенные им фразы так и остались висеть в воздухе, не найдя отклика. Только когда подали чай и разрезали торты, обстановка за столом слегка потеплела.

– «Медовик» превосходный, Вера Эдуардовна! – закатила глаза Юля. – Буквально тает во рту!

– Естественно, – улыбнулась одними уголками губ Вера. – Я пеку его уже тридцать лет!

– Если бы ты попробовала первые экземпляры, – хохотнул Павел, – то была бы другого мнения!

– Павлик! – одернула его жена. – У тебя тоже не все с первого раза получается!

– Прости... – покраснел он.

– А вот наш кондитер никак не может научиться печь! Складывается ощущение, что он свой диплом в переходе купил, – решила поддержать разговор Юля. – Не понимаю, зачем только хозяин его держит?

– А ты, Юлечка, в кафе работаешь? – Вера одарила девушку сына снисходительной улыбкой.

– Юля готовится к защите диплома, мам, – ответил Эдик. – И временно подрабатывает официанткой.

Он сделал ударение на слове временно, но при этом сам очень смутился.

– А какую профессию ты получаешь? – снова спросила у девушки Вера.

– Юля будущий юрист, мама, – снова ответил за возлюбленную Эдуард.

– Эдичка, у меня так-то язык есть, – с легким укором в голосе сделала ему замечание Юля. – Но вообще – да. Хочу стать адвокатом.

– Ой, – махнула рукой Вера. – Сейчас куда ни плюнь, попадешь в адвоката!

– Это раньше так было, мам, – рассмеялся Эдуард. – Сейчас все плевки попадают в программистов.

– Все одно! – Вера встала с места и подлила всем чаю. – А чем, Юлечка, занимаются твои родители? Надеюсь, это не слишком нескромный вопрос.

– Конечно, нет, – девушка покачала головой. – Мой отец фермер, мама помогает ему с бухгалтерией.

– Какая прелесть! – всплеснула руками Вера.

– Я вот тоже мечтал фермером стать, – задумчиво протянул Павел.

– Это когда же такое было? – окинула взглядом мужа Вера. – Впервые слышу!

– Просто ты меня никогда не слушаешь! – упрекнул жену Павел.

– Мам, пап... – одернул родителей Эдик. – Только не ссорьтесь, прошу вас!

– Ну а что она вечно начинает? – обиделся отец. – Сто раз говорил! Даже предлагал как-то квартиру продать, купить домик в деревне. Кур завести. Может даже корову...

– Ага, сейчас прямо! – фыркнула Вера. – Корову! А доить ее кто должен?

– Ты, конечно, – ответил с вызовом Павел.

– Только этого мне не хватало! – Вера вскочила со стула и принялась убирать грязные тарелки. – Вечно у тебя идеи какие-то бредовые возникают!

– Ничего не бредовые! – надулся Павел.

– Мам, пап... – закатил глаза Эдик. – Ну я же попросил. У нас ведь гости! Что Юля о нас подумает?

– Да все хорошо, – девушка улыбнулась и машинально погладила Эдика по плечу.

Вера уловила краем глаза этот жест и поджала губы. Она схватила стопку тарелок и вышла из комнаты.

– Давайте я вам помогу! – бросилась догонять ее Юля.

Вера мыла посуду, Юля стояла рядом с вафельным полотенцем, вытирала насухо тарелки и убирала в кухонный навесной шкаф.

– А как вы познакомились с моим сыном? – спросила Вера, не отрываясь от своего занятия.

Юля улыбнулась, погрузившись в воспоминания.

– Эдуард Павлович читал в нашей группе лекции на третьем курсе, – мечтательно произнесла она. – По нему тогда все девчонки с потока сохли...

– Так он что же – твой преподаватель? – перебила Вера и покачала головой. – Это ведь так неэтично, вступать в отношения со студенткой...

– Когда у нас все закрутилось, – хихикнула Юля, – я уже сдала ему экзамен. На отлично, кстати.

– Нисколько не сомневаюсь, – хмыкнула Вера.

Неподобающее профессиональное поведение сына ее удивило и расстроило. Разве так она его воспитывала?

– И давно у вас это, так сказать, закрутилось? – спросила она, выключив воду и повернувшись к девушке лицом.

– Уже два года, – развела руками Юля. – После экзамена Эдик нашел меня в социальных сетях и пригласил на кофе. Конечно же я согласилась! С тех пор мы вместе. Но вы не переживайте, в университете никто не знает, что мы встречаемся! – заверила она Веру.

– Да я не переживаю! – это прозвучало немного грубо. – Это ваше дело! Кто я такая, чтобы вас судить?

После ужина, пока Эдик переодевался в своей комнате, Юля попрощалась с его родителями, произошел формальный обмен любезностями, а затем последовало столь же формальное предложение повторить посиделки в самое ближайшее время.

– Я готов! – Эдуард вышел из спальни в светлых легких брюках и белой рубашке с закатанными до локтей рукавами.

– Ты тоже уходишь? – удивилась Вера, глядя на сына.

– Провожу Юлю. Может погуляем немного, – Эдик чмокнул мать в щеку. – Спасибо за ужин. Все было очень вкусно!

– Постарайся вернуться не слишком поздно, – поцеловала его Вера в ответ.

– Мам, я уже взрослый мальчик, – засмеялся Эдик. – Не волнуйся. Ложитесь спать, я открою своим ключом.

Едва за молодыми людьми захлопнулась дверь, Вера развернулась к мужу, оперлась о дверной косяк и схватилась за сердце.

– Павлик, это катастрофа! Эта девица совершенно не подходит нашему Эдику!

Павел ничего не ответил, только тяжело вздохнул. Никакой другой реакции от жены он и не ожидал...

ГЛАВА 3

– Кажется, я совсем не понравилась твоим родителям... – наконец, заговорила Юля, когда машина припарковалась у старенькой пятиэтажки в спальном районе города.

Всю дорогу девушка просидела молча на пассажирском сиденье, погрузившись в собственные мысли. Эдик же позволил ей побыть наедине с самой собой, поэтому особо с разговорами не лез. Выжидал.

– Глупости! Конечно, ты им понравилась, – постарался он развеять ее сомнения. – Папа вообще остался в полном восторге!

– Папа-то да... – вздохнула Юля. – А вот мама вообще не в восторге...

– Не обращай внимания, – притянул к себе девушку Эдик и прижал свой лоб к ее. – Она просто ревнует...

– Ты маменькин сынок! – пихнула его шутливо в бок Юля.

– Пока я не встретил тебя, она была единственной женщиной, которую я любил, – вполне серьезно ответил Эдуард. – Ну еще сестру...

– А потом? – подтолкнула его к продолжению мысли Юля.

– Сама знаешь, – Эдик ласково убрал упавшую прядку с ее лица.

– Ну скажи... – закапризничала Юля, уткнувшись ему в ключицу. – Мне так нравится, когда ты это говоришь...

– Ладно, – улыбнулся Эдик. – Так и быть... Ты самая большая любовь в моей жизни. Я даже не подозревал никогда, что смогу так чувствовать...

– Странно это... – задумчиво протянула девушка, перебирая пальцы на его руке. – Я вот сто раз влюблялась. Неужели до меня тебе никто не нравился?

– Нравился, конечно. И я даже думал, что это и есть та самая пресловутая любовь, – пожал плечами Эдик. – Но только встретив тебя, понял, что это была просто симпатия, влечение...

– Ты, наверное, однолюб, – заключила Юля. – Как же это романтично, Эдь... Всю свою жизнь любить одну и ту же женщину. Повезло тебе, что ты меня встретил!

Юля отпрянула от него, и в ее глазах загорелось внезапно посетившее озарение.

– А ведь я в самый последний момент решила в этот университет поступать! Сначала документы в педагогический подавала. Это что же было бы? Если б мы не встретились, ты бы так и не узнал, что такое настоящая любовь?

– Мы бы обязательно встретились, – притянул ее обратно в свои объятия Эдик. – Не в университете, так в каком-нибудь другом месте. В магазине, кафе, на проспекте... Да где угодно!

– И ты бы ко мне подошел? Заговорил бы? – подняла на него взгляд Юля.

– Обязательно, – заверил ее Эдик. – Я тебя, когда увидел в первый раз на лекции, у меня аж дар речи пропал.

– Я помню, – хихикнула Юля. – Ты тогда еще так смешно покраснел и начал заикаться.

– Я после этого больше ни о чем думать не мог... – признался молодой человек.

– И целый год ждал? – возмутилась девушка.

– Я ждал, когда ты перестанешь быть моей студенткой, – парировал Эдуард. – А после экзамена сразу пригласил на свидание.

– Какой же ты у меня милый! – Юля притянула его к себе и поцеловала. – Придется, наверное, тебя наградить...

Эдуард приподнял удивленно одну бровь и внимательно посмотрел на возлюбленную, которая позабыла обо всех мрачных мыслях и явно пребывала в игривом настроении.

– В машине? Серьезно? Тебе ж не нравилось...

– Вот еще! – Юля легонько хлопнула Эдика по груди. – Пока мы ехали, Светка смс-ку прислала. Укатила на все выходные с Кириллом на дачу.

– Так что же ты сразу не сказала? – Эдик аж подскочил на сиденье. – Сидим здесь, разговоры ведем! Пошли скорее! Я так соскучился.

Юля сексуально прикусила нижнюю губу и погладила возлюбленного по ноге.

– Ну идем... – ее голос стал томным и властным.

Они преодолевали один лестничный пролет за другим, не переставая целоваться. К тому моменту, когда добрались до квартиры, оба были настолько распалены желанием, что хотелось побыстрее сбросить с себя одежду, чтобы стать еще ближе.

– Ты ведь останешься ночевать? – шепнула Юля, пытаясь справиться с ремнем на брюках Эдика.

– Конечно... – он прижал девушку к стене в прихожей и запустил ладони под платье. – Сейчас только маму предупрежу. Чтобы не ждала и не волновалась... Иди в спальню, я быстро.

– Серьезно? – Юля оторопело подняла на него глаза. – Ты прямо сейчас собираешься это делать?

– Ну я просто не хочу, чтобы она позвонила сама и помешала нам, – прошептал он, доставая из кармана телефон. – Я быстро, правда. Одну минуту. Ты и не заметишь моего отсутствия.

Эдик прошел на кухню, по пути набирая номер телефона матери.

– Да, мамуль... – Юля услышала его приглушенный голос. – Не ждите меня. Утром приеду и все сделаем... Да, не беспокойся. Люблю тебя.

– Зашибись! Утром он придет, – заворчала Юля.

Она нагнулась, скинула босоножки и прошлепала босыми ногами в ванную комнату. Там Юля избавилась от платья и белья, зашла в душевую кабину и включила воду. Обжигающие струи тут же полоснули по коже, оставляя красные полосы, словно ожоги. Девушка уперлась ладонями в кафельную стену, закрыла глаза и попыталась сбросить нахлынувшее раздражение.

Когда Эдик обнял ее сзади, она вздрогнула. Из-за шума воды Юля не услышала, как он вошел в кабину. Девушка все еще злилась из-за того, что он прервал такой страстный момент, когда она хотела, чтобы он был полностью в ее власти.

– Дай угадаю, – прошептал он ей на ушко. – Ты сердишься на меня?

– Какой ты догадливый! – фыркнула Юля и попыталась вырваться из его объятий. – Все желание пропало!

– Ну прости... – обхватил он ее покрепче и притянул обратно к себе. – Я же ее знаю... Она начнет названивать... А я не смогу снять трубку, потому что буду занят и не захочу отвлекаться. У нее подскочит давление... К чему нам такие проблемы? А это всего один звонок, и я полностью в твоём распоряжении.

– Точно полностью? – Юля развернулась и обвила шею Эдика руками.

– Абсолютно, – подтвердил Эдик и накрыл ее рот горячим поцелуем.

– Ладно, – улыбнулась в его губы Юля. – Допустим, я тебя простила...

– Честно-честно? – спросил Эдик. – До самого конца?

– Не совсем... – мурлыкнула девушка, поворачиваясь к нему спиной. – Чтобы до конца, тебе придется сделать кое-что еще...

– Все что угодно, – Эдик взял с полки бутылочку с гелем для душа, вылил себе на ладонь, легонько вспенил и намылил Юле плечи.

Заснули они с первыми лучами солнца. На смятых простынях в объятиях друг друга. Вымотанные, обессиленные, но очень счастливые. Мама не позвонила за тот вечер ни разу.

ВИЗУАЛЫ ГЕРОЕВ

Вера и Павел, родители Эдуарда

Юля подрабатывает в кафе официанткой

Эдуард знакомит Юлю со своими родителями

ГЛАВА 4

Вера в ту ночь не спала сама и не давала заснуть Павлу. Они легли, как обычно, в десять вечера, но женщина так ворочалась и стонала, что ее муж уже не мог это игнорировать, как бы ему этого ни хотелось. Павел протянул руку, включил ночник, поднял повыше подушку и сел.

– Рассказывай, – проворчал он. – Что тебя так мучает?

– Жаль, что тебя ничего не мучает! – огрызнулась жена.

Павел закатил глаза и устало вздохнул.

– Я понимаю, что ты хочешь для нашего сына самого лучшего...

– Именно этого я и хочу! – перебила мужа Вера. – А это... Это... Я не понимаю, где были его глаза?!

– Не знаю, мне Юля показалась вполне милой девочкой, – пожал плечами Павел и тут же пожалел о своих словах.

– Ты в своем уме вообще? – зашипела на него Вера. – Милая девочка? Деревенщина неотесанная! Официанточка из кафе! Ты видел вообще, кто в этих кафе работает? Одни... Прости господи...

– Ну зачем ты так? – попытался успокоить вышедшую из себя супругу Павел. – Нет ничего плохого в том, что студенты подрабатывают, а не сидят на шее у родителей.

– А я считаю, что есть! Ребенок должен сосредоточиться на учебе, а не на том, где бы денег заработать! Представь, если бы Эдуард, будучи студентом, по ночам вагоны разгружал! Добился бы он того, чего добился? Написал бы диссертацию?

Павел только открыл было рот, чтобы возразить ей, но Вера не позволила ему это сделать.

– Нет! Нет! И еще раз – нет! – отрезала она.

– Вообще-то, я разгружал вагоны, – обиделся Павел. – Ты была беременна Эдиком, я учился и работал, чтобы прокормить нашу семью.

– Зачем ты сравниваешь, Павлик? – всплеснула руками Вера. – Тогда были совсем другие времена!

– Да какие другие? – возмутился муж. – Такие же точно времена! И вообще, оставь сына в покое. Он давно уже не ребенок. Сам разберется, с кем ему встречаться.

– Сам разберется?! – задыхнулась от возмущения Вера. – А если он жениться на ней вздумает? Ты хоть представляешь вообще?

– Вздумает, значит женится! – отрезал Павел.

– Вот уж дудки! – Вера скрутила комбинацию из трех пальцев и сунула мужу под нос. – Только через мой труп!

– Ты уже дочь потеряла из-за своих причуд, – тяжело вздохнул Павел. – Хочешь, чтобы еще и сын от тебя отвернулся?

Павел спустил пониже подушку и потянулся к ночнику, чтобы выключить свет, но услышал до боли знакомый горловой хрип. Глаза у Веры закатились, она покраснела лицом, хватала ртом воздух, словно рыба, выброшенная из воды на берег, и держалась за сердце.

– Что? Опять? – Павел закатил глаза, поднялся с постели, сунул ноги в тапочки и прошлепал на кухню.

Он налил в стакан кипяченой воды, накапал в стопку двадцать капель корвалола, отчего квартира сразу пропиталась характерным больничным запахом, и вернулся обратно в спальню.

– Вот, возьми, – протянул Павел жене лекарство.

Руки у женщины дрожали, по лицу катился пот. Она схватила стопку, едва не расплескав содержимое и опрокинула в себя.

– Ноги немеют, – прошептала Вера слабеющим голосом.

Павел вздохнул, забрал у нее пустую стопку и остатки воды, поставил на тумбочку и сел на краешек кровати рядом с женой.

– Здесь? – мужчина круговыми движениями помассировал икроножную мышцу.

Вера кивнула и закрыла глаза. Павел добрых двадцать минут разминал икры, лодыжки и стопы, потом еще столько же делал массаж головы. Еще дважды он бегал на кухню за новыми лекарствами, трижды перемерял давление и температуру. Но, видимо, из-за разбушевавшейся магнитной бури приборы отказывались правильно работать и усердно показывали вполне жизнеспособные цифры, чем еще сильнее выводили Веру из себя.

– Худо мне, – простонала она, когда Павел закончил с медицинскими манипуляциями и снова улегся в постель.

– Верунь, ну может уже хватит? – не выдержал мужчина. – Сколько можно-то этот спектакль разыгрывать?

– О боже! – вытаращила глаза Вера. – Ты что же считаешь, что я притворяюсь?

– Считаю, – буркнул Павел, но на всякий случай все же отгородился от жены подушкой.

– Поверить не могу! – Вера попыталась встать, но обессилено повалилась обратно. – Родной муж оскорбляет меня подобным недоверием! Позвони Эдуарду, пусть приедет...

Вера прикрыла глаза и положила ладонь на лоб.

– Не надо никому звонить! – отрезал Павел. – Ночь на дворе. Я здесь. С тобой!

Вера протяжно застонала и уронила обессиленно голову.

– Воды еще принеси, – попросила она.

Павел, кряхтя, снова поднялся. Но перед тем, как выйти из комнаты, захватил с собой оба телефона. Не исключено, что жена специально его спровадила, чтобы вызвать сына в его отсутствие.

Вера пила большими жадными глотками. Ее мучила сильная жажда, и сколько она не вливала в себя жидкости, сухость во рту никак не хотела отступать.

– Ну как ты? – спросил Павел, видя мучения жены.

Он присел на край кровати и ласково погладил ее по волосам.

– Голова раскалывается, – пожаловалась Вера.

– Ты сама себя накручиваешь... – Павел забрал пустой стакан из ее рук. – Ничего страшного не произошло. Может у них вообще все несерьезно? Что, это первая девушка, с которой он встречается?

– Не первая! Но до этого он домой еще никого не приводил! И знаешь, что еще я узнала, Павлик? Они уже два года встречаются. Два! И он ни словом нам не обмолвился за все это время! – глаза Веры налились слезами. – Я что, такая плохая мать, что не заслуживаю доверия?

Павел растеряно поскреб затылок.

– Два, говоришь? Ну если тебя это успокоит, то я тоже был не в курсе...

– Как это может меня успокоить? – взвилась Вера. – Меня должно обрадовать, что он не доверяет нам обоим? Почему не сказал? Не познакомил? Когда он вообще успевал с этой девицей шашни крутить? Он же так занят. Защита докторской на носу! Ты хоть понимаешь, что она может сломать ему карьеру! Жизнь может ему сломать!

– Ты вот сейчас утрируешь, – Павел взял ладони жены в свои руки. – Наш сын очень ответственный и рассудительный молодой человек. Думаю, он прекрасно знает, что делает. Мы хорошо его воспитали, Вер...

– Эльвиру мы тоже хорошо воспитывали, – всхлипнула женщина. – И что из этого вышло?

– Может... – осторожно начал Павел. – Если бы так сильно на нее не давила, ничего бы и не было. Она ж на зло тебе с этим байкером крутится...

– Дожилась, – Вера уже во всю рыдала. – На зло собственной матери поддаться саморазрушению! Стыд-то какой!

– Вера... Верочка... – Павел и сам уже готов был разрыдаться.

– А ведь ей всего девятнадцать... – причитала женщина. – Учебу бросила... Выглядит, как... Прости господи... За что она со мной так, Павлик? Что я ей сделала? Ведь всю душу... Всю душу! А мне в благодарность такая оплеуха?!

– Она вернется, – Павел по очереди перепцеловал каждый пальчик супруги. – Вот увидишь... Одумается и вернется!

– Ноги ее здесь не будет! – слезы моментально высохли на щеках, а в глазах женщины блеснула боль, перемешенная с яростью. – А Эдуард... Я надеюсь, что он не натворит глупостей...

– Конечно, не натворит, – поддакнул Павел, лишь бы Вера успокоилась. – Он умный молодой человек. Понимает, что к чему...

– Ох... – снова застонала Вера. – Вот таких и облапошивают обычно ушлые девицы. У нее ж ни шиша за душой! Ни жилья, ни денег, ничего... Сейчас захомутает нашего простачка, а потом оттяпает у него полквартиры. Нашей квартиры, Павлик! – она многозначительно обвела рукой комнату. – Что ты тогда скажешь?

– Ну перестань! Не похожа Юля на аферистку! – занервничал Павел. – Видно же, что она любит Эдуарда.

– Много ты понимаешь в любви... – отмахнулась Вера.

– Вообще-то кое-что понимаю, – обиделся Павел. – Почему я, по-твоему, столько лет тебя терплю?

– Кто еще кого терпит? – фыркнула Вера и отвернулась.

Павел лег, выключил свет и тоже повернулся к супруге спиной. Но заснуть им так и не удалось почти до самого рассвета. Каждый был погружен в свои тягостные мысли. Отец думал о судьбе своей дочери, с которой не виделся уже год, а мать о том, как спасти сына, которого она вот-вот потеряет. И только с первыми лучами солнца, проникшими в спальню сквозь неплотно закрытые шторы, их обоих, наконец, сморил сон.

ГЛАВА 5

Юля проснулась от витавшего в квартире запаха кофе и выпечки. Солнечные зайчики плясали на потолке, выхватывая из полумрака пылинки, кружащие в воздухе. Она лениво потянулась, с наслаждением чувствуя приятную ломоту во всем теле, накинула на голое тело просторную белую рубашку любимого мужчины, от которой пахло им – дорогим одеколоном и чем-то неуловимо родным, и вышла на крохотную кухню.

Эдик стоял у плиты в одних трусах, сосредоточенно наклонившись над сковородой, и наливал на раскаленную поверхность жидкое тесто. Оно тут же начинало шипеть и покрываться пузырьками, наполняя кухню аппетитным ароматом. Рядом на тарелке уже лежала стопка румяных, ажурных блинчиков.

Девушка подошла бесшумно, как кошка, обняла Эдика сзади, вжалась щекой в его теплую спину, встала на цыпочки и поцеловала в шею, чуть ниже затылка, где короткие волосы вились мягкими завитками. Он вздрогнул от неожиданности, затем рассмеялся, и его тело отозвалось вибрацией.

– Завтракать будешь? – блинчик подсох, и молодой человек ловко перевернул его, подкинув в воздух так, что тот перевернулся и идеально приземлился обратно на сковороду.

– Ого! – это вызвало у Юли искреннее восхищение. Она всплеснула руками, и широкие рукава рубашки взметнулись, как крылья. – Не знала, что ты так умеешь! Где научился?

– Это, солнце, долгие годы тренировок! – он важно поднял указательный палец вверх, изображая ученого, читающего лекцию. – У мамы просто отвратительные блинчики, – он поморщился, – а мы с сестрой их очень любили. Вот и пришлось самому учиться печь, спасать семейные завтраки. Кофе нальешь?

– Ага, – Юля достала из шкафчика две кружки с забавными девичьими принтами и разлила в них из кувшинчика простенькой кофеварки темный густой напиток. Пар от него поднимался в солнечный луч, создавая мистическую дымку.

– Мне с молоком без сахара, – попросил Эдик, сбрасывая последний блинчик на общую тарелку.

– Вообще-то я запомнила, – вздернула носик Юля, делая вид, что обижена. – Ты же уже дважды ночевал здесь! Забыл?

– Нет, конечно, – Эдуард поставил тарелку на стол, застеленный клетчатой клеенкой. – Просто проверяю.

– Мне так хочется чаще проводить с тобой время, – внезапно посерьезнев, подняла на него глаза девушка. В ее изумрудных глазах плескалась тоска. – Эти случайные встречи просто невыносимы!

– Правда? – спросил с набитым ртом Эдик. – Мне показалось ночью, что тебе понравилось.

Он подмигнул возлюбленной, и самодовольно откинулся на стуле, который жалобно скрипнул под его весом.

– Понравилось, – кокетливо улыбнулась Юля, и снова стала прежней, легкой и беззаботной. – И мне хочется иметь к тебе доступ каждый день. Вернее, каждую ночь. А не вот так по случаю. Надоело скрываться и прятаться, как в плохом шпионском романе.

– Ну, милая, потерпи еще немного, – Эдик осторожно взял ее за руку, проводя большим пальцем по костяшкам. – Через месяц выпуск. И никто нам слова не посмеет сказать.

– Ох, Эдь, мне кажется, ты переоцениваешь нашу значимость. Кому мы с тобой нужны, чтобы кто-то нас осуждал? Мне кажется, всем на всех плевать. Вон Долгинский без зазрения совести делает студенткам непристойные предложения. И что?

– А то, что мы сейчас с тобой завтракаем и его обсуждаем. Хочешь, чтобы и про нас вот так же судачили? Чтобы шептались за спиной? Просто потерпи, ладно?

– Ладно, – сдавленно вздохнула Юля. – Но я хочу, чтоб ты знал, как сильно я по тебе скучаю! Каждой клеточкой тела.

– Я знаю, – Эдик сжал пальцы девушки посильнее. – Я ведь тоже скучаю. Ты думаешь, мне легко?

– А знаешь что? – у Юли вдруг загорелись блеском глаза, словно кто-то зажег внутри нее зеленые огоньки. – У меня есть идея!

– Слушаю, – Эдик крутил в руках кружку с кофе, водя большим пальцем по объемному принту на ней, изображающему котов в костюмах.

– Светка ведь только завтра вернется... – начала Юля, придвигаясь к нему ближе и понижая голос, словно делясь государственной тайной. – Получается, что квартира в полном нашем распоряжении. Как ты смотришь на то, чтобы сразу после завтрака нырнуть обратно в постель и не вылезать оттуда до самого вечера? Абсолютно. Никуда.

– Э-э-э... – Эдик стушевался и опустил взгляд в пол, будто разглядывая узоры на линолеуме. – Заманчивая перспектива... Очень.

– Но? – уточнила Юля, поняв, что ее грандиозный план близок к провалу. Ее плечи чуть опустились.

– У папы машина сломалась... – нервно пригладил молодой человек взъерошенные волосы. Он выглядел так, словно его поймали на месте преступления. – И сегодня я обещал маму отвезти на рынок. Я ведь не знал, что твоя соседка уедет на дачу.

– Блин... А нельзя завтра на рынок съездить? – предложила девушка, в голосе ее зазвучала тоненькая нота надежды. – Поговори с мамой... Объясни.

Эдуард болезненно поморщился, будто у него внезапно разболелся зуб.

– У нас в семье так не принято, понимаешь? Если пообещал, надо сделать. И зная мою маму, лучше действительно сделать. Она потом выест весь мозг чайной ложечкой. Медленно. И со вкусом.

– Я ничего не имею против обязательности, – Юля встала со стула и обняла Эдика сзади, прижимаясь к его спине. – Скорее, наоборот... Мне тоже нравится, когда люди сдерживают свои обещания. Но бывают же обстоятельства непреодолимой силы... Вот как сейчас.

Она игриво куснула его за мочку уха.

– Единственная уважительная причина, по которой ты не сделал то, что обещал – это смерть, – Эдуард встал, собрал со стола грязную посуду и отнес в мойку. Он делал это слишком активно, пытаясь заглушить внутренний дискомфорт. – Остальные мама даже рассматривать в качестве оправдания не станет. Никакие.

– Как все запущено, – выдохнула почти беззвучно Юля. Она поджала губы и обиженно сложила руки на груди, ощущая, как радостное возбуждение сменяется знакомой тяжестью под ложечкой.

– Эй, – склонился над ней Эдик, пытаясь заглянуть ей в глаза. – Давай сделаем так! Я сейчас быстренько съезжу домой, сделаю то, что обещал, и вернусь к тебе. Честное слово.

Лицо Юли немного расслабилось, но она изо всех сил старалась сохранять его обиженным, как актриса плохого театра.

– А по дороге я захвачу роллов в твоём любимом суши-баре, – томно прошептал он ей на ушко, его горячее дыхание заставило ее вздрогнуть.

– И бутылочку вина! Полусухого! – сразу сдавшись, выпалила Юля и бросилась к любимому на шею. Все обиды мгновенно испарились.

– Договорились! – Эдуард подхватил девушку на руки и понес в спальню, кружась с ней посреди крохотной кухни.

– Возвращайся поскорее, – девушка обвила руками его шею, вдыхая знакомый запах.

Эдик опустил возлюбленную на мягкое белье, еще хранившее тепло их тел, и принялся одну за другой расстегивать пуговицы на рубашке.

– Передумал? – с надеждой притянула его к себе Юля.

– Мне нужна моя одежда, – поцеловал ее Эдик. – Я скоро! Честно.

– Обещаешь? – вспомнила девушка разговор за завтраком.

– Клянусь! Одна нога здесь, другая там! – Эдуард снял с Юли свою рубашку, оставив девушку на постели абсолютно обнаженной. На ее теле играли золотистые лучики утреннего света.

– Ты точно уверен, что хочешь уйти? – она пробежала кончиками пальцев по своей коже от живота вверх к груди.

Эдик смотрел, не отрываясь, его дыхание участилось. Он сглотнул ком, подкативший к горлу, и тяжело вздохнул, будто перед прыжком с высокой скалы.

– Вообще не уверен, – наконец, отвел он пожирающий взгляд. – Точнее, уверен, что не хочу!

– Может все-таки перенесешь поездку на рынок? – Юля соблазнительно прикусила нижнюю губу и хлопала ладонью по скомканной простыне рядом с собой. Это было самое заманчивое предложение в мире.

– Не искушай меня, Юлька! – с почти стоном натянул Эдик брюки. – Правда, не хочу ее расстраивать.

– Ладно, – смирилась девушка и забралась под одеяло, чтобы не смущать его окончательно.

– Все, – он наклонился, оставил на ее губах легкий, но полный обещаний поцелуй. – Не скучай, я быстро.

– Жду! – сделала она губы бантиком и мурлыкнула.

Эдуард схватил с комода ключи и документы и выскочил из комнаты, оставив за собой лишь легкий сквозняк и звонкую тишину, в которой девушка осталась в томительном ожидании, прислушиваясь к затихающим шагам на лестничной клетке.

ГЛАВА 6

Вера хлопотала на кухне, когда услышала щелчок замка на входной двери. Ее губы машинально тронула легкая улыбка.

– Мам, я дома! – крикнул Эдик, снимая обувь в прихожей.

Через минуту он уже появился позади матери, стоящей у плиты, и клюнул ее в щеку.

– Я увидела, как твоя машина во двор въезжает, – сообщила Вера. – Сразу яйца на сковородку разбила. Мы с отцом уже позавтракали.

– Да я не голоден, мам, – ответил, смущаясь, Эдуард. – Мы с Юлей поели недавно.

– Ой, – отмахнулась Вера. – Что вы там поели? Она готовить-то вообще умеет? Такая тощая, ветром унесет!

– Я свои фирменные блинчики жарил, – улыбнулся Эдик. – Так что хорошо поели.

– Где это видано, чтобы мужчина готовил завтрак? – возмутилась Вера. – Это женская работа! Могла бы встать твоя Юля пораньше и позаботиться о тебе!

– Не ворчи, мамуль, – ласково оборвал ее Эдуард. – Это была моя инициатива. Хотелось сделать приятное...

Вера раздраженно фыркнула.

Эдик сел за стол. Перед ним тут же появилась кружка с дымящимся чаем и тарелка с яичницей.

– Ешь! – приказала Вера. – Бутерброды сделать с сыром?

Эдик тяжело вздохнул, покачал головой, но за вилку все равно взялся. Мать уселась напротив, подперев рукой голову, и смотрела на сына.

– Как вам Юля, мам? – спросил Эдуард, быстро расправляясь с яичницей.

– Юля, как Юля, – равнодушно пожала плечами женщина. – Или ты хочешь, чтобы я ее по десятибалльной шкале тебе оценила?

– Я понял, – тяжело вздохнул Эдик. – Не понравилась...

Вера поджала губы и отвернулась.

– О чем сыр-бор, семейство? – в кухне появился Павел, уже собранный для поездки на рынок.

– Да вот... Маме не нравится Юля... – опустил глаза Эдик.

– Я этого не говорила! – тут же поспешила оправдаться Вера.

– Мать! – всплеснул руками Павел. – Мы же с тобой только сегодня ночью все обсудили! Он взрослый парень. Без тебя разберется с кем ему встречаться!

– Да я молчала вообще! – вспыхнула Вера.

Она подскочила со стула и демонстративно вышла из кухни.

– Не обращай внимания, сынок, – Павел положил руку Эдуарду на плечо и легонько сжал. – Ревнует она просто. Никак не хочет принять тот факт, что вы с Элькой уже выросли. Вот и бесится... Хорошая девушка, твоя Юля. Лично мне понравилась.

Эдик проглотил подкативший к горлу ком и благодарно кивнул отцу.

– Спасибо, пап... – он накрыл своей ладонью руку Павла.

– Дай ей время... Все хорошо будет. Ну что, едем?

Эдуард встал, отнес в мойку пустую тарелку, ополоснул и поставил на настольную сушилку.

– Пап, – обратился он к Павлу, все еще стоящему растеряно среди кухни. – Я Юльке пообещал вернуться побыстрее. У нее соседка уехала на выходные... А мы вроде как пока не афишируем отношения... Ну понимаешь, чтобы избежать сплетен...

– Конечно, конечно... – поддакнул отец.

– В общем, мне надо поскорее освободиться, – Эдик поймал понимающий взгляд отца.

– Сделаю все, что смогу, – пообещал сыну Павел.

Субботний рынок фермерской продукции кишел людьми. Покупатели толклись у прилавков со свежим мясом, рыбой, молочной продукцией и овощами, торгуясь наперебой. Вера в мясном отделе была в самой гуще людского месива, яростно торгуясь за каждую копейку и стараясь отхватить кусочек «пожирнее и погуще». Эдуард и Павел стояли поодаль, и охраняли сумки и сетки, которые грудой лежали у их ног.

– По мне это все дикость какая-то, – вытер пот со лба Эдик, пытаясь удержать постоянно норовящий завалиться на бок мешок с картошкой.

– Как говорит твоя мать, за возможность питаться качественными продуктами нужно заплатить высокую цену, – развел руками Павел. – Так что терпи и молчи!

– Мы здесь уже два с половиной часа тут торчим, – Эдуард нервно посмотрел на наручные часы.

– Тише, – ткнул его в бок отец. – Идет! Улыбайся!

Расталкивая ротозеев локтями, к ним пробиралась Вера. В руках она несла тяжелый пакет из которого торчало свиное копыто.

– Взяла говядины хороший кусок. На щи и на гуляш, – сообщила Вера, вырывая пакет мужу. – Курочку деревенскую... Последнюю урвала. Пришлось сцепиться с одной склочной теткой. Так и норовят буквально из рук вырвать!

– А копыто тебе зачем? – Паша раскрыл пакет и изучал его содержимое.

– На холодец, Павлик! Что за глупый вопрос? Зачем же еще? – упрекнула его жена.

– Так мы еще тот, что ты позавчера варила не доели! – бросил аргумент в супругу Павел.

– И что? – насупилась Вера. – Я на следующей неделе куму в гости позвала. Что я для нее холодец не могу свежий сварить?

– А, ну если для кумы... – поскреб затылок Павел.

– Мам, пап... – прервал перебранку родителей Эдик. – Если вы закончили, давайте уже поедем...

– Куда-то торопишься, сынок? – подняла на него взгляд Вера.

Она смотрела на него с прищуром, словно сканировала. У Эдуарда аж мурашки побежали по спине.

– Тороплюсь, – нервно сглотнул он.

Повисла напряженная неловкая пауза. Но затем Вера натянула на лицо улыбку, подхватила с пола пару пакетов и устремилась к выходу.

– Сразу бы так и сказал, что тебе некогда! – бросила она, обернувшись. – Едем домой!

Эдуард и Павел синхронно выдохнули, подхватили сумки и бросились следом.

Багажник был забит под завязку, так что машина даже слегка просела от веса продуктов. Эдик завел мотор и нетерпеливо ждал, пока родители усядутся в салон. Вера, как ни странно, пребывала в приподнятом настроении. Она устроилась на переднем сиденье рядом с сыном и крутила колесико на панели, перебирая радиостанции, подыскивая подходящую музыку.

– Совсем забыла, – вдруг хлопнула она себя по лбу. – Я же на прошлой неделе была у врача. Гемоглобин немного упал. Он посоветовал пить гранатовый сок.

– Ты купила? – спросил Эдик, выезжая с парковки.

– Купила, – фыркнула Вера. – Что там в магазине можно купить? Разбавленный суррогат? У меня в погребе еще двенадцать бутылок осталось натурального сока. Я же закатывала прошлой осенью.

– Ах, да. Точно! – Эдик поморщился, вспомнив, как ему пришлось перечистить тогда два ведра гранатов.

– Павлик, если Эдуарду некогда, значит сейчас выгрузимся дома и поедем с тобой в погреб на маршрутке.

– Хорошо, – буркнул мужчина с заднего сиденья. – Погода хорошая, прокатимся.

– Хотя я так не люблю эти маршрутки, – вздохнула Вера, сцепив перед собой пальцы в замок. – Духота, давка... А инфекции! Татьяна сказала, новый виток эпидемии надвигается...

Она поежилась и скосила взгляд на сына.

– Вот что ты начинаешь, мам? – вздохнул Эдик, глянув на часы на приборной панели. Время уже давно перевалило за полдень. – Заедем в погреб, возьмешь свой сок.

– На следующем перекрестке тогда налево поверни. Так короче будет, – расцвела Вера, но потом ядовито добавила: – Ты ведь спешишь...

Эдик поджал губы и сильнее сжал руль.

Погреб находился в двадцати минутах езды от дома в кооперативном подвале, попасть в который можно было по расписанию несколько раз в неделю. Эдуард припарковал машину неподалеку от входа и заглушил мотор.

– Идите, я подожду, – откинулся он на спинку кресла.

Вера и Павел, кряхтя, выбрались из машины и скрылись внутри. Эдик только взялся за телефон, чтобы позвонить Юле и предупредить, что задерживается, как до него через открытое окно донеслись голоса родителей. Кажется, они ссорились.

– Твоя мать не взяла с собой ключ от погреба! – раздраженно хлопнул дверью отец.

– Я думала, что у меня есть ключи, – оправдывалась мама. – Но потом вспомнила, что они остались в другой сумочке. Ты ведь помнишь, Эдик, в прошлый раз я ездила с красной.

– Я не помню, мам, – обреченно протянул Эдик и стиснул зубы. – Поехали домой за ключами...

Его голос прозвучал резче, чем ему хотелось. Он протянул руку и выключил музыку в салоне.

– Не хочу тебя задерживать, сынок, – виновато опустила глаза Вера. – Прости, правда вылетело из головы. Ладно. Бог с ним, с этим гемоглобином... Не помру...

Она махнула рукой и отвернулась к окну, но Эдик успел заметить, что на глазах у матери блеснули слезы.

– Мам, – сердце Эдуарда сжалось от чувства вины. – Все нормально. Ну забыла и забыла. Сейчас выгрузим дома покупки и вернемся за твоим соком.

Он нежно тронул мать за плечо и услышал всхлип.

– Вер, ну вот что ты опять комедию ломаешь? – не выдержал с заднего сиденья отец. – Ты к врачу в понедельник ходила, и всю неделю даже не вспоминала про свой гемоглобин! А тут, когда сыну некогда, тебе вынь и выложи! Езжай, Эдуард по своим делам. Я сам в подвал съезжу чуть попозже. Передохну только немного...

– Я отвезу вас в погреб, пап, – Эдик смотрел на трясущиеся плечи матери. – Только не ссорьтесь, пожалуйста.

Он завел мотор. Машина, тихонько урча, снова выехала на проезжую часть. А в салоне царила удушающая тишина, нарушаемая только тихими всхлипами Веры, мерным сопением Павла и тяжелыми редкими вздохами Эдика.

ЕЩЕ НЕМНОГО ВИЗУАЛОВ

Эдуард и Юля

Эдик с мамой

ГЛАВА 8

Машина мчалась по полупустым улицам вечернего города. Из-за установившейся в последние дни жары люди старались уезжать на выходные на дачу или в деревню. Там, вдали от раскаленного бетона, зной переносился гораздо легче. Стрелка спидометра постоянно норовила перепрыгнуть допустимый максимум, и Эдик едва справлялся с собой, чтобы не вжать педаль в пол, разогнав автомобиль еще быстрее. Скорость, казалось, успокаивала.

Исколесив полгорода, он, наконец, почувствовал облегчение. Злость, долбившая вспышками в затылок, отступила, позволив мозгу ясно мыслить. Он не понимал, почему две женщины, которых он любил больше всего на свете испытывали по отношению друг к другу столько негатива.

Мама всегда заботилась о нем, можно сказать жизнь свою положила, чтобы он стал тем, кем стал. Когда Эдик родился, она поступилась многими своими мечтами и целями. Например, работа. Когда они с отцом поженились, она была студенткой, планировала сделать карьеру модельера-конструктора. И у нее для этого были все задатки. У мамы до сих пор в глубине комода хранилась старая папка с эскизами. Как-то с сестрой они случайно нашли ее, но когда мама это обнаружила, то расстроилась. Она не ругалась, не кричала. Просто молча забрала рисунки и убрала на место, строго-настрого запретив детям к ним прикасаться.

Только гораздо позже, повзрослев, Эдик понял, что она отказалась от своей мечты, но содержимое той папки хранила как напоминание о том, кем могла стать.

Эдуард был очень болезненным, проблемным ребенком. Перечень его детских диагнозов был столь впечатляющим, что не хватало пальцев на обеих руках, чтобы они все поместились. Помимо проблем с физическим здоровьем, у врачей были большие сомнения и относительно его умственных способностей. Были проблемы с речью, памятью, усидчивостью. Но Вера тогда наплевала на мнение докторов, закатала рукава и занялась воспитанием и обучением сына с таким фанатизмом, что даже Павел порой робко просил ее дать мальчику передохнуть.

Их жизнь превратилась в строгий, выверенный до минуты режим. Пока другие дети гоняли во дворе мяч, маленький Эдик под чутким руководством матери выполнял упражнения. Это не были скучные уроки. Вера превращала все в игру.

Для речи, которая никак не хотела становиться четкой, она придумала «скороговорные бои». Они садились друг напротив друга, и Вера, вытащив из коробочки засахаренную вишню – любимое лакомство сына, – говорила: «Шла Саша по шоссе и сосала сушку». И Эдик, смотря на желанную ягоду, изо всех сил старался повторить, а мама терпеливо поправляла его, раз за разом, пока он не добивался почти идеального звучания. Наградой была не только вишня, но и ее сияющие, полные гордости глаза: «Умница! У тебя получилось!»

Память и усидчивость она тренировала с помощью самодельных карточек. Вера, используя свои дизайнерские навыки, рисовала яркие, детальные изображения животных, растений, архитектурных памятников. Они играли в «музей»: Эдик был экскурсоводом, а мама – посетителем, и ему нужно было запомнить и пересказать информацию о каждом «экспонате». Сначала это были два-три факта, потом – целые истории. Если он уставал и терял концентрацию, Вера не ругалась, а переключала его на другое занятие – лепку из пластилина или сборку пазлов, которые тоже были частью большой терапевтической системы.

С физическим здоровьем была отдельная война. Хрупкого, вечно простужающегося мальчика она не кутала, как это делали бы многие другие матери. Наоборот, с ранних лет приучила его к контрастному душу. Первые обливания прохладной водой сопровождались слезами и истериками, но Вера, сжимая от жалости к сыну кулаки, стояла на своем. «Мы с тобой сильные, мы справимся», – говорила она, закутывая его потом в махровое полотенце и расти-

рая до красноты. Летом они уезжали из душного города, и большую часть дня Эдик проводил босиком на даче, закаляясь и набираясь сил на свежем воздухе.

Она не просто учила его – она вкладывала в него себя. Каждое выученное стихотворение, каждое решенное уравнение, каждый день без температуры были их общей, выстраданной победой. И когда в третьем классе Эдик, некогда считавшийся «бесперспективным», получил свою первую пятерку, Вера плакала, прижимая его к себе. Это была не просто оценка. Это было доказательство. Доказательство того, что ее титанический труд, ее отказ от собственной карьеры, ее бессонные ночи – все это было не зря.

Именно тогда, сам того не осознавая, Эдик усвоил главный урок: его успех – это не только его достижение. Это достижение его матери. Ее счастье, ее смысл, ее оправдание. И чувство колоссальной, неоплатной благодарности и вины перед ней сформировалось в нем навсегда.

Вернувшись мыслями в настоящее, Эдик заметил, что машина сама привела его к дому Юли. Он заглушил мотор и сидел в тишине, глядя на темные окна ее съемной квартиры. Гнев почти ушел, сменившись тяжелой, давящей грустью. Она не видела всего этого. Она не знала, какой ценой была выкована его нынешняя жизнь. Как можно осуждать женщину, которая прошла через все это ради него? Как можно назвать ее любовь удушающей, когда она буквально вытащила его из тьмы беспомощности и подарила ему крылья?

Он понимал боль Юли, ее разочарование. Но в его сердце боролись два долга: долг перед женщиной, которая дала ему будущее, и долг перед женщиной, с которой он хотел это будущее построить. И первый, подпитанный годами жертв и общей боли, пока что перевешивал.

Эдику хотелось, чтобы Юля понимала, что его привязанность к матери строилась на чувстве огромной к ней благодарности. Если бы не мама, неизвестно, кем он вырос бы, чего достиг. И большой вопрос – смогла бы Юля полюбить его, если бы он не стал тем, кем стал? Вряд ли...

С другой стороны, Эдику хотелось, чтобы и мама разглядела в Юле то, что смог увидеть он в ее огромных зеленых глазах. Всю Юлину нежность, ее острый ум, чувство юмора, заставляющее его порой хохотать до слез, а еще ее твердый и решительный характер, совсем несочетающийся с ее хрупкой фигуркой.

Он до последнего надеялся, что мама и Юля смогут стать подругами, но все как-то сразу не вышло. Эдик тяжело вздохнул и решительно вышел из машины, с твердым намерением уладить конфликт, не откладывая в долгий ящик. В домофон звонить не стал, проскользнул в подъезд с соседкой с первого этажа.

Молодой человек быстро взбежал по лестнице, перепрыгивая через две-три ступеньки, перевел дыхание и осторожно постучал в дверь. По ту сторону царила гнетущая тишина. Возможно, подумал Эдик, Юля уже легла спать, хотя время было еще слишком раннее для сна. Он забарабанил сильнее и снова прислушался.

Раздался звук проворачивающегося в замке ключа, но исходил он не изнутри, а откуда-то сзади. Эдик обернулся. Из-за слегка приоткрытой двери квартиры напротив выглядывала старушка – божий одуванчик, а из-под ее ног торчала оскалившаяся голова маленькой собачонки.

– Нету их, – сообщила соседка Эдику. – Света вчера еще с кавалером уехала, а Юля час назад в такси села. Мы как раз с Жужей гуляли.

Она кивнула на собаку.

– Уехала? – растеряно переспросил Эдуард. – Но куда?

– Почем мне знать? – пожала плечами старушка. – Они мне не докладывают. Может что-то передать, когда вернутся?

– Нет, – покачал головой Эдик. – Спасибо, не нужно.

Соседка исчезла в своей квартире вместе с питомцем, а Эдик на ватных ногах двинулся вниз по лестнице. Он не понимал, куда Юля могла поехать на ночь глядя. Насколько ему не изменяла память, она никуда сегодня не собиралась.

– Сам виноват, – тяжело вздохнул Эдуард, садясь обратно в машину. – Психанул, как идиот. Надо было сразу, на месте, все решить!

Он крутанул ключ зажигания, мотор ожил, равномерно урча под капотом. Отец всегда говорил ему, что в общении с женским полом никогда нельзя поддаваться эмоциям. Это им можно психовать и скандалить, а мужик должен быть кремнем. Видимо, Эдик был из другого теста. Поплыл при первой же ссоре.

Он набрал номер Юли. Длинные гудки резко оборвались, словно абонент сбросил нежелательный звонок. На душе вдруг стало так гадко. Все внутри заполнила тягучая ноющая тоска.

Проезжая мимо сетевого магазина, молодой человек вдруг резко ударил по тормозам, заставив шины завизжать. Автомобиль дернулся, швырнув его вперед на руль, а затем обратно вдавливая в сиденье. Сзади послышались нервные гудки чужой машины, но Эдик не обратил на раздраженного водителя никакого внимания.

– У вас все? – смерила его равнодушным взглядом полная женщина-кассир, когда он поставил на ленту бутылку водки.

– Еще жвачку, – Эдуард схватил первую попавшуюся упаковку с полки у кассы.

Продавец просканировала покупки, он быстро расплатился картой, сунул жевательную резинку в карман штанов, схватил бутылку за горлышко и поспешил прочь.

Пил прямо в машине во дворе своего дома, под окнами родительской спальни. Он видел мелькавший то и дело материнский силуэт в квартире. Она определенно заметила его машину, но до сих пор никак не проявилась. Не позвонила, не вышла узнать, почему не поднимается домой. Возможно, отец запретил. Эдик не знал, как ему это удавалось, но порой мама прислушивалась к его мнению. Редко, но такое бывало.

Алкоголь действовал быстро на непривыкший организм. Выпивал Эдуард крайне редко, да и не любил он это дело. Особенно крепкие напитки. Но сегодня вдруг захотелось. Он слышал, что когда на душе тяжело, это помогает на время забыться. Видимо, ему вдали. Не становилось ни то, что легче, а совсем наоборот. Все его переживание в мгновение гипертрофировались и навалились многотонным грузом, став почти невыносимыми.

Голова горела огнем. Сердце бешено колотилось в груди и саднило тянущей болью. Желудок встал колом, накатила тошнота.

– Плохая была идея, – проворчал Эдик, выбрасывая початую бутылку в открытое окно.

Он посидел еще немного, крепко сжимая руль, но затем заглушил мотор, вышел из машины и шатающейся походкой отправился домой. Вера не сказала ни слова, увидев, в каком состоянии пришел сын. Только тихонько ахнула, помогла снять ботинки, которые почему-то сниматься отказывались, и проводила Эдика в комнату. Он заметался по постели, протяжно застонал. Мать, стиснув зубы, вышла из комнаты и вернулась через минуту с влажным полотенцем и пластиковым тазиком. Первое она водрузила сыну на лоб, а второй поставила у изголовья кровати. Сама же пододвинула поближе кресло и разместилась поудобнее. Ночь обещала быть долгой.

ГЛАВА 7

После ухода Эдика Юля еще несколько часов провела в постели. Простыни были пропитаны запахами страстной ночи и навевали приятные воспоминания. Выбираться совсем не хотелось. Да и сил на это не было. Девушка рассчитывала, что пока она спит, ее возлюбленный вернется в теплое гнездышко и присоединиться к ней, а она и не успеет почувствовать горечь вынужденной разлуки.

Когда Юля проснулась, время близилось к полудню, а Эдик так и не вернулся. Солнце стояло уже высоко, яркие лучи пробивались сквозь закрытые шторы. День обещал быть жарким. Девушка проверила телефон, но сообщений не было. Она выбралась из постели, приняла контрастный душ, который сразу взбодрил утомленное тело, сварила заново крепкий кофе и окончательно проснулась. Вестей от Эдуарда не было.

Юля сменила на кровати постельное белье, хоть от него и пахло до сих пор любимым мужчиной, создавая некую иллюзию присутствия. Но пунктик на чистые простыни оказался сильнее. Пока закладывала комплект в стиральную машину, ванная комната пропиталась стойким запахом лосьона после бритья, которым пользовался Эдуард. От этого аромата закружилась голова. Юле так его не хватало в повседневной жизни. Ей было мало Эдика. Мало, до физической боли. Она уже считала дни до окончания университета, чтобы можно было перестать прятаться и открыто рассказать всему миру о своей любви. Девушка даже купила календарик, где ежедневно зачеркивала еще один прошедший день, который приближал ее к заветной дате.

Юле хотелось, чтобы Эдуард сопровождал ее на выпускной в качестве ее парня. Это произвело бы полный фурор среди одноклассниц, но она знала, что он никогда на это не согласится. Для него репутация всегда была на первом месте. Юля всегда удивлялась, как он вообще решился пригласить ее тогда на кофе, как смог поступиться своими принципами. Эдик отвечал на это, что любовь его оказалась так сильна, что в конечном итоге перевесила все доводы разума. Это Юлю очень трогало.

Время шло, а Эдик все не возвращался, и не возвращался. Несколько раз у девушки был порыв взять телефон и позвонить ему, но она останавливала себя. Эдуард взрослый ответственный мужчина, и если он до сих пор не вернулся, значит на то у него были причины. Юля пыталась успокоить себя, но раздражение нарастало. Можно ведь было предупредить, что задерживаешься! Ожидание так выматывало. Когда она в очередной раз схватилась за телефон, с намерением позвонить ему и все выяснить, аппарат ожил сам.

На экране высветилась фотография улыбающейся во весь рот Светки. Юля разочарованно замычала, но на звонок ответила.

– Чего тебе? – соседку по квартире она сейчас хотела слышать меньше всего на свете.

– Вот это я понимаю, теплый прием! – съязвила подруга. – Чем занимаешься? Скучаешь, небось, без меня.

– Ничего я не скучаю, – огрызнулась Юля.

Светка удивительным образом всегда чувствовала ее настроение.

– А, знаю, – захихикала в трубку Светка. – Ты, наверное, хорошо проводишь время со своим вымышленным парнем.

– Никакой он не вымышленный! – лицо у девушки пошло красными пятнами.

Хотя ей порой и самой уже начинало казаться, что она придумала эти отношения с Эдуардом. Так редко он баловал ее своим вниманием. А теперь еще эти выходные, которые они должны были провести вместе, снова проходили в томительном ожидании.

– Ну не злись, – веселилась Светка. – Если тебе легче считать, что он реальный, то пусть так и будет.

- Ой, отвали! – Юля закусила нижнюю губу, готовая расплакаться прямо сейчас.
- Ладно, ладно, не злись! – Светка перестала издеваться, и это сразу отразилось на тоне ее голоса. – Я, в общем-то, зачем звоню...
- В общем-то, да. Чего надо? – смягчилась Юля.
- У Кирилла предки домой собираются. Через часик где-то отчалият.
- Поздравляю! Будет вам, где разгуляться, – она даже позавидовала в этот момент подруге.
- Да не-е-е... Тут с нами Кирин брат с девушкой, а скоро еще его друзья подтянутся. Пару человек. Славка с политеха, и Гена. Ну помнишь Гену, симпатичный такой? Сечешь, к чему я? – хохотнула Светка.
- Вообще нет, – ответила Юля, хотя понимала, куда подруга клонила.
- Гену она помнила хорошо. Когда они в прошлом году ездили к Кириллу на дачу, парень весь вечер оказывал ей знаки внимания.
- Вечеринка намечается, балда! Давай, отрывай задницу от кровати, бери такси и дуй к нам. Оторвемся по полной!
- Не хочу я ничего, – протянула Юля.
- Эй! – насторожилась Светка. – Ну что с голосом? У тебя все нормально там?
- Нормально, – буркнула Юля, хотя больше всего на свете ей сейчас хотелось пожаловаться подруге на Эдика. – Настроения просто нет.
- Жаль, – вздохнула Светка. – Будет весело. Ребята уже шашлык замариновали. Ну в общем, если соберешься, приезжай. Координаты сейчас скину.
- Вряд ли я соберусь, – вздохнула Юля.
- В трубке фоном слышались голоса Кирилла и его брата Костика, засмеялась незнакомая девушка.
- Ладно, все! Мне пора! – попрощалась Светка. – Подумай, короче. Будем рады, если приедешь.
- Подумаю, – буркнула Юля и отключилась.
- Мысли о шашлыке, горячем и сочном, напомнили желудку, что он пропустил обед. Обещанные роллы из любимого ресторанчика так и не добрались до ее стола.
- Надо хоть суп сварить, – вздохнула девушка и достала из холодильника замороженную курицу.
- Эдик проявился только к пяти часам вечера. Прислал сообщение: *«Мальши, форс-мажор, задерживаюсь. Прости. Приеду все объясню. Я в аду!»*.
- Господи! – ахнула Юля, когда прочитала. – Что же там такое стряслось?
- «Все живы? Ты в порядке? Мне страшно!»* – отправила она ему смс в ответ.
- «Жив, здоров. Но очень зол. Не сейчас»*.
- Юлины раздражение и злость теперь сменились тягучим раздражающим волнением. Что там стряслось у Эдика? А еще больше бесило то, что когда у него проблемы, она не может быть рядом, не может помочь, поддержать. Более того, она вообще не представляла, что у него там такое случилось.
- Приехал Эдуард ближе к вечеру. С роллами, вином и виноватым выражением лица.
- Что случилось, Эдь? – бросилась ему на шею Юля. – Я себе места не находила.
- Эдик прошел в квартиру, поставил на стол упаковки с едой и бутылку, плюхнулся на стул, вытянул ноги и устало откинулся на стену.
- Мама меня просто доконала сегодня, – сжал он губы в тоненькую ниточку и закрыл глаза.
- Объясни нормально, где ты был? – Юля села напротив и сложила руки на груди.

– Сначала на рынке, закупили продуктов, кажется, на год вперед. Потом она вспомнила, что ей нужно в погреб за гранатовым соком. Мы приехали, выяснили, что она забыла ключ в другой сумке...

– Гранатовый сок в любом магазине продается, – бросила Юля.

– Ты не понимаешь, – покачал головой Эдуард. – Там не такой! В подвале мама оступилась на лестнице и повредила ногу.

– Господи! – ахнула Юля. – Перелом? Вывих? Растяжение?

– Ничего такого! – махнул рукой Эдуард. – Отделались легким испугом, как говорится. Но пришлось несколько часов просидеть в очереди в травмпункте. Врач вообще там ничего не увидел. Даже ушиба.

– Слушай, Эдь, – Юля задумчиво теребила нижнюю губу. – А ты маме сказал, что ко мне собираешься ехать после рынка.

– Сказал, – подтвердил Эдуард.

– А ты не думаешь, что она все это выдумала, чтобы ты не уезжал?

– Что? – Эдик нервно вскочил и принялся мерить шагами кухню. – Зачем ей это?

– Мне кажется, я ей совсем не понравилась... Вот она и притворилась больной, чтобы тебя задержать.

– Юль, мы сейчас говорим о моей маме! – разозлился Эдуард. – Не надо делать из нее монстра.

– Прости... Прости... – девушка, капитулируя, подняла вверх руки. – Просто странно это все... Ладно, давай ужинать. Я рада, что ты приехал.

Юля поставила на стол две тарелки и бокалы под вино.

– Ты ешь, – Эдик ковырял пробку штопорам, но руки у него дрожали, и она никак не хотела поддаваться. – Я дома поужинал.

– В каком смысле, ты поужинал дома? – опешила Юля.

– Ну мы вернулись из больницы, пока я переодевался, мама накрыла на стол. Я собирался отказаться, честно. Но она разнервничалась, сразу давление подскочило... Пришлось задержаться еще ненадолго... Ну ты ж понимаешь?

– Не понимаю! – вспылила Юля. – Я целый день тебя жду!

– Милая, не начинай, пожалуйста, – взмолился Эдик. – Мне и так мама все нервы вымотала за день...

– Конечно! – распалялась Юля. – А тут я еще со своими претензиями!

– Ну что ты хочешь от меня? Чтобы я отвернулся от родной матери, когда ей больно и плохо? Я не могу этого сделать!

– Да нет, конечно, – Юля закрыла лицо руками. – Я просто хочу, чтобы ты научился распознавать манипуляции и научился говорить нет, когда нужно!

– Это не было никакой манипуляцией! – Эдик уже еле сдерживался. – Она действительно оступилась и упала! И я считаю, любой нормальный сын поступил бы точно так же на моем месте. Твои умозаключения оскорбительны и неуместны. Я прошу тебя закрыть эту тему! Я приехал, как только смог!

– Точно! И я должна сейчас прыгать от счастья, как собачонка, которой кинули косточку, а я тут, неблагодарная, еще и претензии предъявляю! – надулась Юля. – Твоя мамочка крутит тобой, как хочет, а ты боишься глаза раскрыть, чтобы увидеть это!

– Вы виделись всего один раз! Как ты можешь вот так судить о человеке, совсем его не зная? – Эдик снова вскочил, с силой, до скрежета, сжал зубы.

– Зато я знаю тебя! – выплюнула раздосадовано Юля. – И ты всю жизнь пляшешь под мамину дудку, боишься ей слово против сказать! Как же? Вдруг она расстроится...

– У нее ведь давление... – прошептал Эдик.

– Воспаление хитрости у нее! Вот что! – выпалила Юли и тут же закусила губу, поняв, что перешла границы.

– Знаешь что? – сжал кулаки Эдик, так что побелели костяшки. – Это уже слишком! Я не на такой вечер рассчитывал!

– Да и у меня были другие планы! – отвернулась Юля, пряча слезы.

– Думаю, нам не стоит продолжать этот разговор...

Эдик стремительно вышел из кухни. Юля услышала возню в прихожей, а позже хлопнула входная дверь.

– Черт... – всхлипнула девушка. – Я все испортила.

Она с силой сжала пальцы, пытаясь успокоить kloкотавший в душе гнев.

– Да пошло оно все! Ну и пусть катится к своей мамочке!

Девушка взяла в руки телефон и вызвала такси. Она и так просидела в одиночестве целый день. Ей просто необходимо было немного отвлечься и развеяться.

ГЛАВА 9

Хорошая дача у родителей Кирилла! Тихое местечко на берегу озера, а позади лес. Воздух – не надышаться! Когда такси подъехало к дому, внутри уже слышались звуки веселой молодежной вечеринки – грохотала музыка, смеялись девушки, шутили парни.

Юля расплатилась с водителем, вышла из машины и в нерешительности остановилась у калитки. В душе бушевали эмоции, а на сердце смятение. Что она тут делала? Правильно ли поступила, что не остановила Эдика? Зачем она вообще затеяла всю эту глупую ссору?

Дверь дома распахнулась и несколько человек выпорхнули на улицу. Среди них Юля узнала Свету, свою соседку по квартире. Вместе с ней вышел Кирилл, ее молодой человек и еще двое парней.

– Юлька! – завопила Светка, увидев мнущуюся у калитки подругу. – Приехала все-таки!

Девушка рванула к Юле и сграбастала ее в охапку. Парни, не спеша, двинулись за ней.

– Это Витя, Кирин брат. И Гена. Ну Гену ты должна помнить, – представила парней Света, многозначительно подмигнув.

– Привет, – скромно поздоровалась Юля, съездившись под изучающим взглядом Гены.

– Проходи в дом, – добродушно пригласил ее Витя. – Там Ира, моя девушка. Она тебе все покажет, а мы скоро вернемся.

Юля вошла в дом, сотрясаемый от звуков громкой музыки. На столе стояла миска с дымящимся шашлыком, так что она успела как раз вовремя. Ира встретила ее по-свойски, будто они тысячу лет уже были знакомы, хотя виделись впервые. Девушка тут же организовала для новой гостьи чистую тарелку и приборы и поставила перед ней большой пластиковый стакан, наполовину наполненный пивом.

– Не рассчитали немного, – хохотнула невеста Вити. – Пока мясо жарили на улице, все выпили. Сейчас ребята еще принесут, они до ларька пошли.

– Да я с собой вино привезла, – спохватилась Юля.

Она вспомнила, что перед уходом сунула бутылку, которую Эдик так и не смог открыть, в сумку.

– Да без проблем, – забрала стакан с пивом Ира и поставила перед Юлей чистый. – Славик, организуй штопор, пожалуйста.

Слава, полноватый парнишка в круглых очках, сидевший в кресле в уголке и с безразличием к окружающей обстановке игравший в какую-то онлайн-игру на телефоне, тут же ожил, подскочил с места и бросился помогать девушкам.

– Вот, пожалуйста, – парень без каких-либо усилий извлек пробку из бутылки и наполнил вином Юлин стаканчик.

– Спасибо, – поблагодарила Юля, отметив про себя, что ее Эдик с этой задачей не справился.

– Я Вячеслав, если что, – сообщил молодой человек на ходу, удаляясь обратно в свой насиженный уголок.

– Это Юля, Светина соседка по квартире, – Ира решила представить гостью вместо нее, поэтому Юле осталось только кивнуть в знак согласия.

Вскоре вернулись ходоки за пивом, и в доме снова воцарилось прежнее веселье. Сначала некоторое время сидели за столом, ели успевшее остыть мясо, дискутировали, шутили, смеялись, а потом начались танцы. Но Юля практически не участвовала ни в разговорах, ни во всеобщем веселье. Краем уха она ловила обрывки фраз, для порядка улыбалась, когда понимала, что кто-то отпустил удачную шутку, а от предложения Гены потанцевать с ним, вежливо, но твердо отказалась.

– Эй, да что с тобой сегодня? – пихнула ее в бок Светка, плюхаясь рядом на диван.

Девушка запыхалась от энергичных танцев, поэтому схватила со стола свой стакан с газировкой и с жадностью осушила. – Ты сюда кинуть что ли приехала? Смотри, как у нас весело!

Всем остальным, действительно, было весело.

– Не знаю, – пожала плечами Юля.

Ей очень хотелось поделиться своими переживаниями с близкой подругой, но она не была уверена, что уже пришло время, чтобы посветить ее в свою тайну. Эдик был категорически против, чтобы кто-то знал об их отношениях. Даже Светка. Особенно Светка...

– Хочешь, прогуляемся? – предложила подруга. Она посерьезнела, видя, что в душе у Юли творится что-то неладное. – Поговорим...

– Ладно, – согласилась Юля.

От грохота музыки у нее начинала болеть голова.

Девушки незаметно выскользнули из дома и двинулись в сторону озера. Они шли молча. Светка подхватила Юлю под руки и ничего не спрашивала, давая подруге самой рассказать все, что у нее внутри накопилось.

Они остановились на лодочном причале, сели на деревянный настил, еще теплый, нагретый за день палящим солнцем, свесили ноги вниз. Полная луна оставляла на водной глади серебристое сияние, а россыпь звезд, отраженная в глубинах озера, создавала ощущение сказочности – будто в глубине горели миллионы светлячков. Это умиротворяло.

– Он все-таки существует, да? Твой загадочный парень, – осторожно спросила Света, когда молчание слишком затянулось.

Юля закусила губу и кивнула.

– Может расскажешь уже, что тебя тревожит? – тронула ее за локоть подруга. – Я ведь беспокоюсь за тебя. Давить не хочу, но беспокоюсь.

– Только обещай, что это останется между нами, – подняла на нее глаза Юля. – Никто пока не должен ничего знать.

– Я могила, ты же знаешь! – Света закрыла рот на замок невидимым ключиком и закинула его в озеро.

– В общем... – замялась Юля. – Я встречаюсь с Эдуардом Павловичем. Уже два года.

– Погоди... – опешила Светка. – С нашим Эдуардом Палычем? С Эдичкой из универа?

– Да, да, – подтвердила Юля. – Именно с ним. Эдик боится, что кто-то узнает, что он встречается со студенткой, поэтому до выпускного – это большая тайна.

– Вот даешь, Юлька! – глаза у Светки вылезли из орбит. – Удивила, так удивила!

Юля пожала плечами.

– Не пойму, чего ты киснешь тогда? Урвала лакомый кусочек...

– Да поссорились мы сегодня сильно, – перебила подругу Юля. – Из-за его мамы...

– У-у-у... – затянула Светка. – А вот это скользкая дорожка, подруга! Мама для мужика – святое. Про маму или хорошо, или никак.

– Да знаю, – отмахнулась Юля. – Но, мне кажется после того, как Эдик меня познакомил с родителями, она всеми силами пытается нас разлучить. Боюсь даже представить, что она там ему про меня может наговорить.

– Погоди, – подпрыгнула на месте Светка. – Так он тебя что, с родителями познакомил?

– Лучше бы уж не знакомил, – тяжело вздохнула Юля.

– Вот ты чокнутая, конечно! Совсем не понимаешь ничего? – возмутилась Светка. – Если познакомил, значит намерения серьезные!

– Я знаю, что он меня очень любит. И я его люблю. Но мне было проще, когда его родители ни о чем не догадывались. И Эдику тоже. Он нервничает, я вижу. И теперь я боюсь, что раз я не понравилась его матери, она может убедить его со мной расстаться... А я этого не вынесу!

Юля всхлипнула, собираясь уже было расплакаться, но подруга одернула ее.

– А-ну, не реветь! Он взрослый мужик. Как поссорились, так и помиритесь! Думаешь мы с Киром никогда не ругались? – развела руками Светка. – Еще как! Пух-перья летели. А Эдуард Палыч... Не думаю, что он будет плясать под мамину дудку. Перетерпи... Ей придется смириться с твоим существованием в жизни ее сына.

– Думаешь? – утерла нос Юля.

– Уверена! – подтвердила Светка. – Кирина мама на меня тоже сначала волком смотрела. И на Ирку тоже. А сейчас души в нас не чает. Уже сама о свадьбах заговаривает да о внуках. И Эдичкина мама примет тебя. Дай ей время просто...

– Спасибо тебе... – Юле стало значительно легче от Светкиных слов.

Девушки еще долго сидели на причале, разговаривали, делились самым сокровенным, что творилось на душе. Для этого ведь и нужны друзья, чтобы в трудную минуту было кому склонить голову на плечо, чтобы кто-то сказал тебе, что все будет хорошо, и ты при этом ему искренне поверил.

ГЛАВА 10

Вера поправила заснувшему Эдику одеяло, бросила взгляд на сына, неодобрительно покачав головой, и тяжело вздохнула. Она погасила ночник, висевший на стене еще с тех пор, когда Эдуард был маленьким мальчиком и боялся темноты, и вышла из комнаты.

Когда она вошла в свою спальню, Павел лежал на кровати, укутавшись с головой и притворялся спящим. Но Вера знала, что он не спал. За тридцать лет брака она изучила его вдоль и поперек, поэтому любые ложь и хитрость чувствовала за версту.

– И что ты обо всем этом думаешь? – задала она вопрос, укладываясь в постель рядом с мужем.

– Я сплю, вообще-то, – буркнул Павел, но поняв, что выдал сам себя, выбрался из-под одеяла, приподнял подушку и сел, облокотившись на каретку. Он понимал, что разговор будет долгим.

– Уже нет, – одобрительно кивнула головой Вера. – Так что скажешь?

– Да о чем здесь говорить? – пожал плечами Павел. – Ну подумаешь, напился! С кем не бывает?

– Со мной не бывает, – возразила Вера. – С тобой тоже! – но потом подумала и добавила: – Последние лет двадцать точно.

– Но ведь было же! – нашел за что зацепиться муж. – В молодости я, бывало, тоже такой приходил...

– Нашел, чем гордиться! – фыркнула жена. – Это тебя совсем не красит. Это вообще никого не красит! А Эдуард... Он же раньше никогда...

Вера осеклась и театрально всхлипнула. Павел закатил глаза.

– Вер... – тяжело вздохнул он. – Ты ж сама спровоцировала эту вот ситуацию. Если б не начала выдумывать срочных дел и несуществующих болезней, а просто отпустила парня...

– То есть, это я еще и виновата осталась?! – закипела женщина, краснея от негодования. – Это я ему в глотку алкоголь заливала, по-твоему?

– Да я не об этом... – замялся Павел. – Ты ж понимаешь...

– Не понимаю, Павлик! Вот хоть убей – не понимаю! – набирал обороты скандал. – Пока он с этой девкой не связался...

– Хватит! – подскочил на кровати Павел. – Юлия здесь совершенно ни при чем! Он два года с ней встречался. И ничего такого не было, пока ты не узнала об их связи! И не влезла!

– Да что я сделала такого? – обиделась Вера. – Слова против не сказала!

– Ты зачем в травмпункт его поперла? – наступал Павел.

– Ах вон оно что! – насупилась жена. – Так надо было бросить меня там, прямо в подвале на ступеньках. Отлежалась бы, сама домой приковыляла.

– Доктор у тебя ничего не нашел! – заревел муж. – Даже легкого ушиба не зафиксировал! Показать выписку?

– Конечно, – отвернулась Вера. – Доктору ж виднее, что и где у меня болит.

– Вообще-то виднее. А уж рентген вообще видит тебя насквозь! И оба говорят, что ты – симулянтка!

– Я испугалась, – Вера подняла на мужа виноватые глаза.

– Чего? – сложил руки на груди Павел, понимая, что в споре произошел перелом в его пользу.

– Что ногу сломала, чего ж еще!

– Вера! – одернул супругу Павел. – Я ж тебя, как облупленную знаю. Ты можешь Эдику лапшу на уши вешать, он поверит, а я всегда вижу, когда ты врешь.

– Ну ладно, – сдалась Вера, понимая, что ее спектакль не произвел на мужа должного впечатления. – Просто у меня дурное предчувствие, понимаешь? Едва эта девка порог нашего дома переступила, у меня сразу сердце екнуло.

Она приложила руку к груди и поморщилась.

– У тебя бывает интуиция, Павлик? – женщина подняла на супруга глаза, в которых уже стояли не пролившиеся слезы. – Почувствовала я, что не пара она нашему мальчику. Погубит она его! Хочешь верь, не хочешь – не верь!

– Ну что вот ты придумываешь? Какая интуиция? Ты просто боишься, что он сейчас женится и будет о Юле заботиться, а не о тебе. Ты ж его заездила уже!

Вера ахнула и начала хватать ртом воздух.

– Не позволю! – хрипло выдавила она, едва отдышавшись.

– Кто тебя спросит? – хмыкнул Павел. – Они взрослые люди!

– Ты не слышал, что я сказала? – Вера растирала пальцами пульсирующие виски. – Я не против, чтобы он женился и нашел свое счастье. Правда! Он же мой сын! И я желаю ему самого лучшего. Но неужели ты не видишь, что она ему не подходит?

– А кто тогда подходит? – решил уточнить Павел.

– Да кто угодно! – всплеснула руками Вера. – Вон у Златоревых Наташа – какая хорошая девушка. Врач, готовит хорошо, воспитанная, скромная.

– Она старше Эдика на четыре года! – возразил Павел.

Златоревы жили в соседнем подъезде. Уважаемая семья потомственных медиков. Павел был удивлен, что Вера считала Наташу хорошей партией для Эдуарда. Они совсем недавно обсуждали, что она засиделась в «девках», и Вера выдвинула ряд гипотез, почему так произошло. И там не было ничего завидного.

– И что? Четыре года не такая уж большая разница. Человек зрелый, состоявшийся. Точно не до глупостей. И она – врач, Паша. Не какая-то там официантка в дешевой забегаловке.

– Вот сейчас пахнуло снобизмом, Вер. Очень затхлый запашок, скажу я тебе. Юля учится на юриста. Скоро закончит, устроится на работу, сделает карьеру...

– Вот! – победно подняла Вера вверх указательный палец. – Наконец-то ты и сам до всего додумался!

– Что? – не понял Павел.

– Будет делать карьеру, – повторила его же слова жена. – А детей она рожать когда собирается? Детородный возраст не резиновый, между прочим. В двадцать пять уже, считай, старородящая.

– То есть, тот факт, что Наташе Златоревой тридцать три тебя вообще не смутил? – изумился Павел тому, как супруга ловко выворачивала информацию в выгодную для себя сторону.

– Не придирайся к словам, – отмахнулась Вера, поняв, что запуталась в показаниях. – Факт в том, что Юля эта Эдуарду не подходит. И сегодня уже был первый звоночек. Хочешь, чтобы твой сын стал алкоголиком?

Она кивнула головой в сторону комнаты Эдика.

– Не утрируй! Подумаешь, один раз напился мужик!

– Подумаешь?! – снова завелась Вера. – Да с его поджелудочной ему эту гадость даже нюхать нельзя, не то, что пить!

– Нормально у него все с поджелудочной! – заступился за сына Павел.

– Нормально? – выдохнула Вера. – Ты может замыл, как у него в детстве ацетон скакал? Забыл?

– Э-э-э... – прокряхтел муж.

– Конечно! Откуда тебе помнить? Ты ведь спал всеми ночами, пока я у его кровати сидела, откачивала...

– Вообще-то мне надо было на работу вставать в пять утра, – защищался Павел.

– Вот мы все и выяснили! – отвернулась Вера, обидевшись. – Если не знаешь, то хоть с советами не лезь!

– Да я и не лез никуда! Это в нашей семье твоя прерогатива!

– Вот и дальше не лезь! – Вера почувствовала вкус победы. – Сама разберусь, что для моего сына хорошо, а что нет!

– Разберешься ты, как же... – буркнул Павел и повернулся к жене спиной.

– Даже не сомневайся, – Вера погасила свет и тоже отвернулась.

За ночь Вера несколько раз вставала и ходила в комнату Эдика, убедиться, что с ним все в порядке. Конечно, она не считала, что сын поступил правильно, злоупотребив спиртным из-за ссоры с какой-то девчонкой, а в том, что они поссорились, сомнений у нее не было. Но об этом она скажет ему завтра, когда поставит на ноги.

ГЛАВА 11

Эдик проспал почти до полудня, но проснулся все равно с жуткой головной болью и неприятным жжением в области желудка. Во рту стоял привкус горечи и металла, в висках стучали сотни маленьких молоточков, отбивая раздражающий ритм. Он попытался подняться с постели, но его тут же замутило, потолок качнулся и поплыл перед глазами, поэтому он с протяжным стоном повалился обратно. В эту же секунду в комнату впорхнула Вера, словно стояла под дверью и ждала сигнала, что сын уже не спит.

Она распахнула шторы, впуская в комнату яркий солнечный свет и открыла окно на проветривание. Слишком жуткий запах стоял в спальне – переработанные этиловые пары тяжелой взвесью висели в воздухе. Свежий воздух, пахнувший нагретым асфальтом и свежескошенной травой ворвался в помещение.

– Так-то лучше, – нараспев сказала Вера, расплываясь в улыбке.

Эдик зажмурился от яркого света, больно резанувшего по воспаленным глазам, и отвернулся. Ему было так плохо и так стыдно, что присутствие матери в комнате только усугубляло его самочувствие. Он не хотел никого видеть, не желал ни с кем разговаривать, но Вера проигнорировала его чувства, хотя сын явно дал понять, что предпочел бы сейчас спасительное, исцеляющее одиночество.

– Я сварила свежий куриный суп, – сообщила она, одновременно поправляя одеяло на кровати сына и смахивая невидимую пылинку с тумбочки. – Умывайся и за стол!

– Я не просил, – буркнул Эдик хриплым голосом.

– Поверь, тебе сейчас нужно именно это, – отмахнулась от него мать. Голос ее звучал снисходительно, словно она разговаривала с ребенком. – Потом еще спасибо мне скажешь!

Она легкой походкой вышла из комнаты, довольно напевая какую-то навязчивую мелодию себе под нос. Эдик проворчал что-то нечленораздельно, но все-таки из постели выбрался. Он дважды проверил сообщения на телефоне, в надежде увидеть оповещения о пропущенных звонках или сообщениях, но от Юли ничего не приходило. От тоски у него засосало под ложечкой, но не исключено, что это были последствия тяжелого похмелья. С непривычки организм, привыкший к академической строгости, остро отреагировал на ядовитые возлияния.

Когда Эдуард, бледный и пошатывающийся от слабости, вошел в кухню, родители уже сидели за столом. Отец громко хлебал наваристую куриную лапшу, каждый раз получая неодобрительный взгляд жены, едва ложка исчезала во рту.

– Эдичка! – подскочила Вера с места, помогая сыну усестись за стол. – Хлеба дать?

– Не надо, – покачал головой Эдик, с трудом прогоняя подкатившую к горлу тошноту.

Его мутило и от вида, и от запаха еды. Все, чего ему сейчас хотелось, это вернуться обратно в постель, зашторить окна и лежать в тишине с закрытыми глазами, пока эти мерзкие ощущения не отпустят его. Но, хоть ему и трудно было это признать, мама оказалась права. Едва первая осторожная микро-порция куриного бульона скользнула в желудок, наступило мгновенное облегчение. Он быстро заработал ложкой, боясь, что болезненные ощущения вернуться.

За столом стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь мерным постукиванием приборов о посуду да тиканьем старых настенных часов в прихожей.

– Спасибо, мам, – Эдик отодвинул от себя пустую тарелку и удовлетворенно откинулся на стуле. – И правда легче стало.

– Думал, я тебя обманывать стану? – самодовольно хмыкнула Вера. Ее глаза блестели от осознания собственной правоты.

Эдуард попытался встать из-за стола, но не успел, потому что мама железной хваткой перехватила его за локоть и усадила обратно.

– Я хотела поговорить, сынок, – подняла она на него пронзительный взгляд, в котором читались и забота, и жесткий, не терпящий возражений, родительский авторитет.

Эдик стиснул зубы и закатил глаза. Разговаривать совсем не хотелось. Он чувствовал себя припертым к стене.

– Я больше так не буду, – выдавил он с трудом из себя. – Довольна?

– Ты взрослый мужчина, – выставила вперед руки Вера, изображая полную лояльность. – И волен поступать так, как считаешь нужным. Ты вправе совершать собственные ошибки и самостоятельно расхлебывать их последствия...

– Спасибо, – Эдуард снова попытался встать и ретироваться, но мать не позволила, остановив его многословным взглядом.

– Как я уже сказала, ты взрослый... И хочу заметить, неглупый мужчина, – продолжила она, намерено растягивая слова. – Если ты сочтешь нужным заливать алкоголем любые свои малейшие неудачи... Кто я такая, чтобы это тебе запрещать?

– Мам! Прекрати! – взвился Эдик, и от этого резкого движения у него снова закружилась голова. – Это было в первый и в последний раз! Я эту гадость больше в рот не возьму!

– Что ж... – удовлетворенно кивнула Вера. – Именно это я и хотела от тебя услышать!

Эдуард нервно вышел из кухни, практически выбежал, чуть не зацепив плечом дверной косяк.

– Вот как ты это делаешь? – с прищуром хмыкнул Павел. – Одной рукой вроде гладишь, а второй тут же даешь оплеуху!

Вера бросила на мужа испепеляющий взгляд.

– Ты поел? – рявкнула она.

– Нет еще! – Павел откусил добрый кусок горбушки хлеба и тщательно пережевывал.

– Подлить? – жена заглянула в его почти опустевшую тарелку. Он молча кивнул.

Вера поднялась и налила мужу еще супа. Пока он ел, она бабочкой порхала по кухне – убирала со стола, мыла посуду, тихонько что-то напевая и даже пританцовывая. От вчерашней хромоты после травмы не осталось и следа. Конечно, она переживала за сына, но знала, что этой ночью он получил очередной жизненный урок, который обязательно выучит. Так она его воспитала. Во всем в этой жизни она привыкла искать причинно-следственные связи. Негативные события неизменно вели к негативным последствиям. В это она свято верила. Но еще и верила в то, что негативные последствия способны привести к позитивным изменениям. Поэтому, все что ни происходило, было к лучшему. Какие бы тучи ни сгущались над головой семьи, рано или поздно они все равно развеются, открывая чистое небо.

Эдик, оказавшись, наконец, в одиночестве взялся за телефон. Ссора с Юлей глодала его изнутри. Он одновременно и не чувствовал себя виноватым, и в то же время испытывал острое чувство вины. С детства он привык к тому, что обещания надо выполнять. Мамино воспитание. И он пообещал Юле, что быстро вернется. Она ждала, переживала. Все это он прекрасно понимал. Но и понимал также то, что в той ситуации не мог поступить иначе. Он был заложником двух правд, и обе разрывали его на части.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.